

Анна Голубкова

Освобождение через письмо

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_309

Причинное место: сборник фем-письма: В 2 т.

Алматы: ПИФ|РАУ, 2022. — 260 с.; 444 с.

В конце 2010-х годов много велось споров о том, что такое феминистское письмо и чем оно отличается от письма женского. Понятно, что феминистское письмо делает видимым гендерную проблематику. Но как это происходит и каким образом отражается на поэтике — вопрос, на который однозначно ответить невозможно. И самый лучший способ здесь от теории обратиться к практике и посмотреть, как именно установка на проблематизацию гендерной оптики реализуется собственно в письме. Именно это и помогает понять двухтомник «Причинное место», вышедший в 2022 году в Алматы.

В нем собраны тексты, созданные в процессе двухгодичной работы проекта «FemWriting Workshop Almaty» или же вдохновленные им. Как пишут в послесловии организаторки Зоя Фалькова и Эйри Асиева: «целью проекта было создание среды, в которой могла бы родиться центральноазиатская феминистская литература» (т. 1, с. 256). Однако часть занятий проходила онлайн, и в результате в воркшопах приняли участие писательницы не только из Центральной Азии, но и из других постсоветских регионов. Также надо отметить, и это важно, что все тексты написаны на русском языке и что в этом отношении между авторками есть некоторое согласие, которое полгода спустя, скорее всего, было бы уже невозможным. На момент же работы проекта русский язык выступал прежде всего в качестве средства межнационального общения, которое проблематизировалось в связанных с ним дискуссиях, однако как таковое все-таки не оспаривалось. Так что эти книги одновременно можно назвать и памятником эпохе, навсегда ушедшей в прошлое.

Отдельным визуальным высказыванием стало оформление двухтомника, тоже проясняющее суть и смысл фем-письма. В этом оформлении важно все: и

шрифт, и расположение текста на странице, и черно-белые рисунки в тексте, и цветные иллюстрации. Здесь работает даже фактура — плотный картон обложки сменяется прохладной гладкостью страниц основного блока. У книги, и это тоже важно, отсутствует верхний слой переплета, так что читатель видит (и ощущает) проклеенную фактуру отдельных блоков. На переплете тоже есть рисунок. Чтобы его увидеть, нужно поставить рядом оба тома — словно в знак того, что фем-письмо возможно только в солидарности и сотрудничестве. Рисунок этот можно интерпретировать по-разному — как розу, огонек свечи и как «причинное место». Таким образом, общее название сборника передано на кофешке не буквами, а визуальным языком, дающим больше возможностей для воображения. У визуального высказывания много авторок. В первом томе — это Жанель Шах, Ольга Фалькова, Дарья Апахончич*, во втором — Жанель Шах и Дарья Апахончич*. Общее оформление и дизайн книг сделала Зоя Фалькова.

В предисловии к первому тому Дарья Апахончич* подчеркивает его текучий и спонтанный характер: «Во время работы над сборниками мы постарались сохранить авторское видение жанров, стилей и языка произведений, поскольку понимаем, что тот литературный процесс, свидетельницами и участницами которого мы стали, — живое и становящееся явление». И вот эти принципы бережного отношения к чужому тексту и авторской индивидуальности, стремление избегать прямолинейности и учитывать как можно больше точек зрения, попытка передать в структуре сборника постоянно меняющуюся творческую атмосферу, безусловно, можно назвать наиболее важными характеристиками фем-письма. В данном случае оно становится еще и своего рода жизненной практикой. Ничего устоявшегося и определенного, возможность посмотреть на текст с иной стороны и переосмыслить, сделать его частью одного большого общего высказывания или, наоборот, извлечь из общего потока отдельный фрагмент и выявить заложенный в нем художественный потенциал. Все эти стратегии нужно учитывать при чтении и анализе книги.

Первый том поделен на несколько разделов: поэзия, рассказы, драма, эссе, комическое, сказки. Именно они отражены в оглавлении, имена авторок перечисляются на открывающей раздел странице. Причем это перечисление далеко не всегда отражает реальный порядок следования текстов. К примеру, стихи некоторых авторок появляются в разделе два раза. Такая структура прямо указывает на то, что воспринимать тексты из одного раздела нужно как единое произведение. Но при этом сами тексты не утрачивают авторскую принадлежность, а остаются частью общего высказывания. Более того, в конце книги есть раздел «Об авторках», который дополнительно раскрывает смыслы стихотворений и прозаических текстов. В этом творческом сотрудничестве женщины ни в коем случае не лишаются индивидуальности, но приобретают контекст, благодаря которому их голоса становятся громче и слышнее.

В поэтическом разделе опубликованы Виктория Ковальчук, Мөлдiр Елес, Айзере Малайсарова, Эйри Асиева, Ксения Рогожникова, Интизор Отаниёзова, Анастасия Белоусова, Маржан Алпысбаева, Найра Каражидек, Дамина Мукитанова, Дарья Демиденко, Лайли Эдиге, Василиса Сатирская, Мария Землянова, Айсулу Тойшибекова, Sam-y, Юлия Хаймович, Дана Канафина, Егана Джаббаров, Евгения Р, Сарра Есенбаева, Дарья Серенко**, Айдана Султан,

* Включена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов. — *Примеч. ред.*

** Включена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов. — *Примеч. ред.*

Аурелия Акмуллаева, Виктория Русакова, Настя Голованова, Марьям Зиай, Зуля Есентаева, Катя Иглз, Сельби Джумаева. Стихи здесь самые разные, есть и блэкауты, и фаунд-поэтры, и визуальная поэзия. Внутри выделены стихотворные приношения другим женщинам — в двух подразделах «Женщина, которую я... знаю» и «Женщина, которую я... люблю» и целой серии стихотворных оммажей, которые посвящены впечатлившим авторок явлениям культуры, в том числе и из собственного круга. Эта переключка женских голосов важна не только для структуры сборника, но и как способ преодолеть патриархальную замкнутость «большой» культуры, приводящую к постоянному обнулению женских достижений и репутаций.

Не случайно, конечно, тематика стихотворений сосредоточена на женских переживаниях и поиске своей идентичности. В них очень много насилия, абьюза, сознательного нарушения границ и прямой эксплуатации. И очень мало любви и искренней привязанности, которых наивный читатель непременно ждет от «женской лирики». Женщины описывают страшный и опасный мир, в котором им приходится жить и вести буквально ежедневную борьбу за выживание. И при этом еще у них нет языка, чтобы рассказать о своих чувствах. Так что поиски способов выразить то, что для «официальной» культуры не существует, тоже стали важной темой этих сборников. Об этом, к примеру, пишет в стихотворении «Идентичность» Мөлдiр Елес:

Не смотри на меня
 Каждый раз, когда ты смотришь на меня
 Ты создаёшь меня
 И мне не нравится то, во что ты меня превращаешь

Не говори со мной,
 Чтобы ты меня понимал, мне приходится говорить на твоём языке,
 Теряя свой
 У меня никогда не было своего языка, честно говоря
 <...>

(Т. 1. С. 6)

В стихотворении Эйри Асиевой «Генеалогия» тоже заходит речь об идентичности и о языке, но здесь добавляется еще и национальный компонент:

<...>
 Я думала на русском, я говорила на киргизском, я совсем не знала казахского.
 Я думаю на русском, я говорю на английском, я всё ещё не знаю казахского.
 Я изучаю другие языки и культуры и не понимаю своей, какой — своей, где она,
 чья она,
 как мне её взять, пощупать, присвоить.
 В моей культуре мне нет места, в ней я грязный позор рода,
 и вся моя генеалогия построена на слезах, ранних браках и десятках погибших
 дочерей
 моих четырнадцати бабушек.

(Т. 1. С. 9)

В разделе «рассказы» все тексты посвящены женскому опыту, который очень часто передается не непосредственно от первого лица, а глазами ребенка.

В разделе с драматическими произведениями помещены отрывки и небольшие зарисовки. Особенно интересна эссеистика, более свободная форма которой дает возможность наименее формального высказывания. Женские сказки с феминистским подтекстом опубликовали Дамина Мукитанова, Алтын Капалова, Дана Канафина, Карлыгаш Кабатова, Sam-y, Наташа Боренко, Дарья Апахончич*.

Если в первом томе представлены работы участниц различных воркшопов, то второй том полностью посвящен крупной прозе, курс-марафон по которой провела Лиля Калаус — писательница, сценаристка, радиоведущая, преподавательница литературного мастерства. О задачах и ходе марафона она подробно рассказала в предисловии ко второму тому. Дело это было очень непростым — все участницы должны были каждую неделю сдавать ей по 20 тысяч знаков текста. И справились с такой задачей пять женщин: Камила Ковязина, Дамина Мукитанова, Анастасия Пяри, Розалия Шамсудинова и Дана Канафина.

«Пять лет» Камилы Ковязиной посвящены, как и многие тексты из первого тома, теме материнства и социального самоопределения женщин. Три женщины знакомятся в роддоме и затем поддерживают связь через социальные сети. У каждой из них своя жизнь и свои сложности в отношениях с близкими, однако при этом каждая из них оказывается с этими проблемами один на один. Родственники не только не помогают молодым матерям, но и создают дополнительные проблемы, которые в некоторых случаях приводят к опасным для детей ситуациям. И единственную поддержку молодые матери получают только друг от друга. Таким образом, в повести демонстрируется женская солидарность как единственный реальный инструмент, который существует в рамках патриархального общества и может хоть как-то работать. Все остальное — и семейные отношения, и вмешательство старших женщин, и детские врачи и медсестры, и воспитатели в детском саду — в ситуации кризиса не работает. Этот текст наглядно демонстрирует фиктивность социальных институций, от которых вреда больше, чем поддержки. Более того, часто они выполняют репрессивную функцию, создавая дополнительные проблемы молодым матерям, вместо того чтобы их решать.

Повесть «Дети Тенгри» Дамины Мукитановой написана на основе переработанной тюркской мифологии. На первый взгляд это типичное подростковое фэнтези. Но на самом деле произведение гораздо глубже, ведь в нем идет речь о мире, состоящем из непреодолимых противоречий, в которых и заключена его сущность. Отказ от противоречий оказывается одновременно и концом мира. Поэтому героине приходится не только научиться принимать как есть свою реальность, но и научить этому мир духов и демонов. Анастасия Пяри в повести «Люция и незвери» тоже описывает сосуществование людей и духов. В то же время ее произведение чем-то напоминает пасторали и идиллии XVIII века, когда герои бежали из большого, неудобного и не принимающего их города в деревню, где у них все складывалось совершенно по-другому. И одновременно это своего рода мечта о содружестве понимающих и любящих друг друга людей женского пола и еще один способ продемонстрировать силу женской солидарности.

«Кисмет» Розалии Шамсудиновой чем-то напоминает «Под куполом» Стивена Кинга, хотя у героев этого произведения вроде бы и есть шанс остаться в живых, если они смогут преобразиться и изменить реальность. Однако поги-

* Включена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов. — *Примеч. ред.*

бают они примерно с такой же частотой и неотвратимой жестокостью, как и в упомянутом романе Кинга. И завершается второй том повестью Даны Канафиной «Бескарманницы», в которой нет никаких сверхъестественных проявлений, зато есть много нелюбви и бытового насилия. Авторка от лица девочки-подростка рассказывает о турецком лицее в Алматы и о жизни в общежитии, которая, вместо того чтобы сделать ее покорной, податливой и любящей, превращает в замкнутую и неспособную на сочувствие. Просто и спокойно рассказывается о том, как система убивает все живое и калечит детскую психику. Оторванный от семьи ребенок начинает сознательно избегать любых привязанностей и вместо любви выбирает тишину и молчание. Но печальные судьбы других девочек делают такой выбор чуть ли не единственно возможным.

Как уже отмечалось выше, соединение всех текстов под одной обложкой порождает дополнительные перекрестные смыслы и создает пространство фем-письма, несколько по-другому расставляющего акценты, подчеркивающего в содержании одни мотивы и затемняющего другие. В то же время, конечно, эти произведения вполне могут существовать и отдельно, встраиваясь при этом в относительно неплохо разработанную традицию уже не феминистского, а женского письма. И не только женского, разумеется, потому что фэнтези и хоррор — это общие направления мировой литературы, в которых общие жанровые особенности оказываются важнее гендерной оптики. Но зато эту оптику хорошо проявляет именно контекст двухтомника. В принципе, это касается и текстов, описывающих опыт материнства. Здесь существует давняя и хорошо разработанная традиция, которую, к примеру, можно найти у Людмилы Петрушевской или авторок круга «Новых амазонок». О жизни в закрытом женском заведении также писали многие. Можно вспомнить, например, Чарскую. Новизна повести Даны Канафиной в бескомпромиссном показе результатов такого обучения. И этому тоже наверняка помогает общий контекст сборника. Все высказывания здесь — и словесные, и визуальные — посвящены миру женщин и отношениям женщины с миром. Это непростое, временами травматичное, но при этом очень увлекательное и не отпускающее читателя письмо показывает, как много оставалось за рамками патриархальной культуры и как важно сделать творчество женщин частью культуры уже общей, причем не декларативно, а по-настоящему.